

Жорж Сименон

Мегрэ и инспектор Недотепа

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

ГОСПОДИН, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЛИЦИЮ

Молодой человек слегка сдвинул на голове наушники.

- Так про что я, дядя, рассказывал?.. Ах да! Приходит малявка из школы, и жена видит, что у нее все тело в красной сыпи, ну, она и подумала, что это скарлатина...

Договорить до конца более или менее длинную фразу совершенно невозможно: обязательно зажжется одна из лампочек на огромном плане Парижа, занимающем добрую часть стены. На сей раз что-то стряслось в XIII округе, и Даниэль, племянник Мегрэ, вставил штекер в гнездо коммутатора:

- Ну, что там такое? - Потом с равнодушным видом слушал и повторял для комиссара, примостившегося на краешке стола:

- Драка. Между двумя арабами.

Бистро на Итальянской площади...

Он уже собирался продолжить рассказ про свою дочку, когда снова загорелась лампочка настенной карты.

- Алло! Как-как?! Автомобильная авария на бульваре Ля-Шапель?

За большими незанавешенными окнами потоками лил дождь, летний дождь, затяжной и равномерный, расчерчивающий ночь белесыми штрихами. В просторном зале Центрального полицейского участка, куда забрел Мегрэ, было тепло, славно и немного душно.

Некоторое время назад он сидел у себя в кабинете на набережной Орфевр, ожидая телефонного звонка из Лондона по поводу международного мошенника, которого его инспектора засекли в роскошном отеле на Елисейских полях. Позвонить могли и в полночь, и в час ночи, заняться Мегрэ было нечем, и один-одинешенек в своем кабинете он откровенно скучал.

Потом он оставил на коммутаторе приказ переключать все его звонки на Центральный полицейский участок, что располагался на другой стороне улицы, и отправился поболтать с дежурившим той ночью племянником.

Мегрэ всегда нравился этот огромный, похожий на лабораторию зал, спокойный и чистый, о существовании которого большинство парижан не подозревало, но который тем не менее представлял собой самое сердце Парижа.

На каждом городском перекрестке установлены выкрашенные в красный цвет столбики с застекленным окошком. Достаточно разбить стекло, и произойдет автоматическое телефонное соединение с полицейским участком квартала и одновременно с Центральным полицейским участком.

Кто-то нуждается в срочной помощи, не важно по какой причине. На гигантском плане города немедленно зажигается лампочка. И дежурный слышит этот зов одновременно с бригадиром ближайшего полицейского участка.

Внизу, в темном и тихом дворе префектуры, стоят наготове два автобуса с полицейскими, готовыми срочно сорваться с места. В шестидесяти остальных полицейских участках Парижа ждут другие автобусы, а кроме них еще и агенты на велосипедах.

Снова огонек.

- Попытка самоубийства гарденалом в мебелирашке на улице Бланш... - повторяет Даниэль.

Весь день и всю ночь маленькие огоньки на стене отражают полную драматизма жизнь столицы, и ни один автобус, ни один патрульный наряд каждого из городских комиссариатов не отправится на место происшествия, чтобы об этом не стало известно в Центре.

Мегрэ всегда придерживался убеждения, что молодым инспекторам стоило пройти хотя бы годичную стажировку в этом зале, чтобы изучить криминальную географию города, и сам он, если выдавалось свободное время, охотно приходил сюда на час-другой.

Один из дежурных ел хлеб с колбасой. Даниэль возобновил прерванный рассказ:

- Она сразу позвонила доктору Ламберу. А когда через полчаса он пришел, сыпь уже исчезла... Это оказалась просто крапивница... Алло!

Лампочка загорелась в районе XVIII округа. Это был прямой вызов. Значит, в эту самую минуту кто-то разбил стекло аппарата срочной помощи на пересечении улиц Коленкур и Ламарк.

Для новичка это должно выглядеть впечатляюще.

Сразу представляется пустынный ночной перекресток, секущие струи дождя, мокрая мостовая, отсвет фонарей в лужах, освещенные окна кафе поодаль и человек, мужчина или женщина, который спешит, быть может спотыкаясь, потому что ему страшно, потому что за ним гонятся или просто ему нужна помощь, он спешит, на ходу обертывая руку носовым платком, чтобы разбить стекло...

Мегрэ, машинально продолжая следить взглядом за племянником, вдруг увидел, как у того нахмурились брови. Лицо молодого человека приобрело оторопелое, а потом и испуганное выражение.

- Ох, дядя! - выдохнул он. Слушал еще с полминуты и переключил штекер:

- Алло! Участок на улице Дамремон?.. Это вы, Дамбуа?.. Вызов слышали?..

Это точно был выстрел?.. Да, да, мне тоже так показалось... Что вы говорите? Автобус уже выехал?

Иными словами, полицейские будут на месте меньше чем через три минуты, потому что улица Дамремон совсем рядом с улицей Коленкур.

- Извините, дядя... Но я совсем не ожидал... Вначале я услышал крик: "С...ные шпики!" И тут же раздался выстрел.

- Будь добр, сообщи бригадиру с улицы Дамремон, что я к ним еду. И пусть без меня ничего не трогают!

Мегрэ уже устремился в опустевший коридор, спустился во двор и вскочил в небольшой скоростной автомобиль, предназначенный для офицеров полиции.

- Улица Коленкур. Живее!

По правде сказать, это было не его дело. Полиция квартала уже на месте, и только после того, как они составят рапорт, будет решено, займется ли расследованием полицейское управление. Но Мегрэ не смог сдержать любопытства. К тому же, пока Даниэль говорил, у него в памяти всплыло одно воспоминание.

Прошлой осенью, в октябре, в такую же дождливую ночь, он сидел у себя в кабинете. Около одиннадцати вечера зазвонил телефон.

- Комиссар Мегрэ?

- Я слушаю.

- Это лично комиссар Мегрэ у телефона?

- Ну да...

- В таком случае я хотел на вас с...ть!

- Что-что?

- Я говорю, что я хотел на вас с...ть! Я только что застрелил из окна обоих агентов, которых вы выставили на тротуаре... Новых можете не присылать. Меня вам не взять!

И грянул выстрел.

Польский акцент уже все объяснил комиссару.

По роковому стечению обстоятельств дело происходило в небольшой гостинице, расположенной на углу улицы Бираг и предместья Сент-Антуан, в которой скрывался опасный преступник-поляк, ограбивший немало ферм на севере страны.

За гостиницей и в самом деле вели слежку два агента, потому что Мегрэ решил рано поутру лично произвести арест.

Один из инспекторов был убит наповал; второй, провалявшись пять недель в госпитале, поправился. Что до поляка, то он, переговорив с комиссаром, действительно пустил себе пулю в лоб.

Вот это-то совпадение и взбудоражило Мегрэ, пока он сидел в большом зале полицейского участка. За двадцать с лишним лет работы он один-единственный раз столкнулся с делом такого рода: самоубийца звонил по телефону и при этом крыл полицию на чем свет стоит.

И вот теперь, почти полгода спустя, ситуация повторяется. Разве это не странно?

Небольшой автомобиль мчался через Париж. На бульваре Рошешуар ярко светились кинотеатры и дансинги, а чуть дальше, за углом улицы Коленкур, к которой вел довольно крутой спуск, царил тишина, и почти полное безлюдье. Изредка в ту или другую сторону проезжал автобус, да редкие прохожие спешили по залитым дождем тротуарам.

На углу улицы Ламарк виднелась небольшая группа темных фигур. На улице, в нескольких десятках метров от них, стоял полицейский автобус. Кое-где из окон выглядывали люди, а на пороге домов застыли консьержки, но из-за дождя зевак было немного.

- Здравствуйте, Дамбуа.

- Здравствуйте, господин комиссар.

Дамбуа показал на распростертое на тротуаре, меньше чем в метре от аппарата срочной связи, тело. Возле тела примостился на корточках мужчина - живущий по соседству врач, которого успели вызвать. Между тем с момента выстрела прошло всего двенадцать минут.

Доктор поднялся, узнав Мегрэ.

- Смерть наступила мгновенно, - сказал он, стряхнув воду с насквозь промокших колен и принявшись протирать залитые дождем очки. - Выстрел произведен в упор, в правое ухо.

Мегрэ машинально приставил руку к собственному уху, словно собирался в него выстрелить.

- Самоубийство?

- Похоже на то...

Бригадир Дамбуа показал комиссару револьвер, валявшийся в полуметре от руки мертвеца. К нему никто еще не прикасался.

- Вы его знаете, Дамбуа?

- Нет, господин комиссар... Хотя, сам не знаю почему, мне кажется, он из местных...

- Посмотрите осторожноенько, может, у него есть бумажник?

У Мегрэ со шляпы уже стекала вода. Бригадир протянул ему довольно потрепанный бумажник, который он только что вытащил из пиджака покойника, в одном из отделений лежали шесть купюр по сто франков и фотография женщины. В другом хранилось удостоверение личности на имя Мишеля Голдфингера, 38 лет, комиссионера по продаже бриллиантов, проживающего по адресу: улица Ламарк, дом 66-бис.

Лицо на фотокарточке документа бесспорно принадлежало человеку, лежащему сейчас на тротуаре с причудливо вывернутыми ногами.

В последнем, закрытом на кнопку, отделении бумажника Мегрэ обнаружил тщательно сложенный листок папиросной бумаги.

- Дамбуа, вы мне не посветите фонариком?

Он осторожно развернул свернутый листок, и в свете электрического фонаря вспыхнули огоньками мелкие сверкающие камешки - неоправленные бриллианты.

- Значит, мотив преступления никак не ограбление, - буркнул бригадир. - А повод к самоубийству никак не нищета... Что вы об этом думаете, патрон?

- Вы уже опросили соседей?

- Инспектор Лоньон как раз сейчас этим занимается...

По крутому участку дороги каждые три минуты, резко тормозя, спускался автобус. И каждые три минуты ему навстречу, переключая передачи, с натугой поднимался другой автобус. Мегрэ уже два или три раза поднимал голову, привлеченный хлопками глохнущих моторов.

- Любопытно... - пробормотал он, обращаясь к себе самому.

- Что любопытно?

- Что на любой другой улице мы бы обязательно получили свидетельские показания по поводу выстрела...

Вот увидите, от соседей Лоньон ничего не добьется. А все из-за этого спуска, на котором карбюраторы стреляют...

Он не ошибся. К бригадиру приближался Лоньон, которого коллеги за вечно недовольный вид прозвали инспектором Недотепой.

- Я опросил человек двадцать... Или они ничего не слышали - большинство в это время слушают радио, а сегодня Парижская станция как раз передавала праздничный концерт, - или отвечали, что у них тут целый день как будто стреляют... Они уже привыкли... Только одна старуха, из второго дома направо, с седьмого этажа, полагает, что слышала два выстрела... Только мне пришлось повторять ей вопрос несколько раз, потому что она глухая как пробка... Консьержка подтвердила...

Мегрэ сунул бумажник себе в карман.

- Сфотографируйте тело, - сказал он Дамбуа. - А когда фотографии закончат, отправьте в Институт судебной медицины и попросите, чтобы вскрытие делал доктор Поль. Теперь с револьвером. Когда снимете отпечатки, отправьте на экспертизу к Гастин-Ренетту.

Инспектор Лоньон, наверное уже видевший в этом деле возможность отличиться, со свирепым видом рассматривал тротуар, засунув руки в карманы, и дождь струился по его насуспенному лицу.

- Вы со мной, Лоньон? Поскольку это ваш участок...

Они вместе пошли по правой стороне улицы Ламарк.

Она казалась пустынной, на всем ее протяжении свет пробивался только из двух маленьких кафе.

- Вы меня простите, старина, что я влез в дело, которое меня не касается... Просто есть одна вещь, которая мне покоя не дает... Даже сам не знаю, что именно...

Но что-то здесь не так, понимаете?.. Конечно, официальное расследование проводите вы.

Но инспектор Лоньон не зря носил прозвище Недотепы. На авансы комиссара он отвечал молчанием.

- Не знаю, понимаете вы или нет... Когда такой тип, как Стан Убийца, знавший, что у него осталась всего одна ночь, потому что утром его арестуют, к тому же больше месяца чувствовавший, что я наступаю ему на пятки...

Защищаться до последнего, как хищный зверь, каким он и был, и предпочесть гильотине пулю в лоб - это прекрасно вписывалось в характер Стана. Но уходить в одиночку он не желал, и с последним вызовом, в последнем приступе ненависти к обществу уложил на месте двух следивших за ним инспекторов.

И все это выглядело вполне объяснимо. Даже его телефонный звонок Мегрэ, в котором он видел личного врага, даже его последние проклятия, этот последний отчаянный всплеск злобы...

А ведь об этом телефонном звонке никогда не писали в газетах. Знали о нем лишь несколько коллег Мегрэ. Но вот слова, криком прозвучавшие нынче вечером из аппарата в Центральном полицейском участке, совсем не вязались с тем немногим, что уже удалось узнать о мелком торговце бриллиантами.

Насколько позволял судить беглый осмотр, человек этот не отличался размахом, зарабатывал себе на жизнь понемножку и был, скорее всего, - комиссар готов был поклясться - неудачником. И в торговле бриллиантами, как в любом другом деле, есть свои господа и свои бедняки.

Мегрэ знал большое кафе на улице Лафайет, служившее своего рода центром этого бизнеса. Крупные торговцы, сидя за столиками, принимали здесь скромных перекупщиков, которым выдавали для продажи по несколько камешков.

- Здесь... - сказал Лоньон, останавливаясь перед домом, похожим на все остальные дома этой улицы. Это было уже старое семиэтажное здание, в нескольких окнах светились огни.

Они позвонили. Дверь открылась, и они увидели, что в каморке консьержки еще горит свет. За стеклянной дверью были видны кровать, неопределенного возраста женщина с вязаньем в руках и мужчина в войлочных тапочках, распахнутой на волосатой груди рубашке без воротничка, читавший газету. Из радиоприемника лилась музыка.

- Простите, мадам... Месье Голдфингер у себя?

- Дезире, ты не видел, он вернулся? Нет?.. Да ведь он вышел всего полчаса назад...

- Один?

- Один. Я еще подумала, что ему понадобилось что-нибудь купить здесь поблизости. Ну там сигареты...

- А он часто уходит по вечерам?

- Да почти никогда. Если только в кино с женой и со свояченицей...

- А они обе дома?

- Да. Они никуда вечером не выходили... Вы хотите их видеть? Четвертый этаж, направо...

Лифта в доме не было. Ступени устилал потемневший ковер, на каждой лестничной площадке горела электрическая лампочка, освещающая по две выкрашенные в коричневый цвет двери - одну справа, другую слева. Дом казался чистым, удобным, хотя и совсем не роскошным. Стены, выкрашенные "под мрамор", явно нуждались в хорошем ремонте, потому что то тут, то там на них уже выступали бежевые, а то и откровенно ржавые пятна.

Опять послышалось радио... Передавали все ту же песню из пресловутого праздничного концерта Парижской станции, которая раздавалась сегодня повсюду.

Они уже дошли до площадки четвертого этажа.

- Позвонить? - спросил Лоньон.

За дверью задребезжал звонок, и они услышали шум, с которым кто-то отодвигал стул, чтобы встать, и молодой голос, бросивший кому-то:

- Я подойду.

Быстрые легкие шаги. Поворот дверной ручки. Наконец замок открылся, и тот же голос проговорил:

- Как ты бы...

Как можно было догадаться, она хотела сказать: "Как ты быстро!"

Девушка, открывшая дверь, замерла на пороге при виде двух незнакомых мужчин и пробормотала:

- Извините, пожалуйста... Я думала, что это...

Молодая, симпатичная, одетая в черное, словно в траур. У нее были светлые глаза и белокурые волосы.

- Мадам Голдфингер?

- Нет, месье... Месье Голдфингер мой зять...

Она все еще чувствовала себя немного растерянной и даже не подумала пригласить гостей войти. В ее взоре сквозило беспокойство.

- Вы позволите? - проговорил Мегрэ, продвигаясь вперед.

Из глубины квартиры донесся еще один голос, не такой молодой и словно бы усталый:

- Что там такое, Ева?

- Не знаю...

Мужчины вошли в крохотную переднюю. Слева, за застекленной дверью угадывалась в полутьме небольшая гостиная. Судя по царившему в ней порядку и пианино, уставленному фотографиями и безделушками, этой комнатой пользовались нечасто.

Во второй комнате горел свет. Именно здесь негромко играло радио.

Но прежде чем комиссар с инспектором дошли до нее, девушка торопливо проговорила:

- Вы позволите, я закрою дверь в эту комнату? Сестра сегодня плохо себя чувствует, она уже легла...

Наверное, открытой оставалась дверь между этой комнатой и столовой, служившей гостиной. Оттуда доносился шепот. По всей видимости, мадам Голдфингер интересовалась:

- Кто это?

И Ева тихо отвечала:

- Не знаю... Они ничего не сказали...

- Приоткрой дверь чуть-чуть, чтобы я слышала...

Как и в большинстве квартир этого квартала, как и за всеми освещенными окнами, которые наблюдали сегодня комиссар и инспектор, здесь царил покой, тяжеловатый и чуть приторный покой жилищ, в которых никогда ничего не случается, в которых и представить себе невозможно, что что-нибудь может когда-нибудь случиться.

- Извините, пожалуйста... Будьте любезны, проходите...

Обстановка столовой состояла из самой обыкновенной мебели, какая тысячами продается во всех мебельных магазинах, с вечной медной жардиньеркой на серванте, с тарелками, расписанными на исторические темы, расставленными на посудной полке, затянутой кретоном в красную клетку.

- Присаживайтесь... Ах, постойте...

Три стула были завалены обрезками ткани и выкройками из плотной коричневой бумаги, а на столе лежали ножницы, журнал мод и еще один отрез ткани, который как раз кроили, когда раздался звонок.

Девушка повернула переключатель радиоприемника, и вдруг наступила полная тишина.

Лоньон, еще более угрюмый, чем всегда, разглядывал мысы своих мокрых ботинок. Мегрэ поигрывал трубкой, которая успела уже потухнуть.

- Ваш зять давно ушел?

На стене висели вестминстерские часы с боем, и девушка машинально бросила взгляд на циферблат:

- Чуть раньше десяти часов... Может быть, без десяти минут... У него на десять была назначена встреча здесь, неподалеку...

- А вы не знаете, где?

В соседней, погруженной в темноту комнате раздался шорох. Дверь так и оставалась приоткрытой.

- В кафе, наверное, но в каком, я не знаю... Но наверняка где-нибудь рядом, потому что он сказал, что вернется до одиннадцати...

- Деловая встреча?

- Конечно... Какая же еще?

Мегрэ показалось, что щеки девушки слегка покраснели. Впрочем, в течение последних минут, по мере того как она присматривалась к обоим мужчинам, ее начала охватывать все более отчетливая тревога. В ее взгляде был немой вопрос. И в то же время казалось, что она боится узнать правду.

- Вы знакомы с моим зятем?

- Как вам сказать... Пожалуй, немного... У него часто бывали встречи по вечерам?

- Нет... Очень редко... Можно сказать, почти никогда...

- Наверное, ему позвонили? - спросил Мегрэ, потому что заметил на круглом столике телефонный аппарат.

- Нет. Он за ужином сказал, что в десять часов ему надо будет выскочить.

Голос звучал беспокойно. Легкий шум из спальни подсказал комиссару, что мадам Голдфингер уже поднялась с постели и сейчас, должно быть, босиком стоит за дверью, чтобы лучше слышать.

- Ваш зять был здоров?

- Да... То есть крепким здоровьем он никогда не отличался... Да еще сам себя всегда настраивал... У него была язва желудка, и врач сказал ему, что он наверняка вылечится, а он убедил себя, что у него рак.

В соседней комнате послышался легкий шум, скорее даже не шум, а откровенный шорох, и Мегрэ поднял голову, уверенный, что сейчас явится мадам Голдфингер.

Он действительно увидел ее стоящей в дверном проеме, закутанную в голубой фланелевый халат. Она смотрела на них пристально и твердо.

- Что случилось с моим мужем? - спросила она. - Кто вы такие?

Оба мужчины одновременно поднялись.

- Прошу прощения, мадам, за вторжение в ваш дом.

Ваша сестра сказала мне, что вы сегодня не совсем здоровы...

- Это не имеет никакого значения.

- К сожалению, у меня для вас плохая новость...

- Муж? - одними губами выговорила она.

Но Мегрэ смотрел не на нее, а на девушку и увидел, как у той в беззвучном крике открылся рот. Глаза у нее расширились, и взгляд их сделался блуждающим.

- Да, ваш муж... С ним произошел несчастный случай.

- Несчастный случай? - сурово и недоверчиво переспросила супруга.

- Мадам, я с прискорбием вынужден сообщить вам, что месье Голдфингер скончался...

Она не шевельнулась. И продолжала стоять, не сводя с них своих темных глаз. Если сестра ее была голубоглазой блондинкой, то мадам Голдфингер оказалась довольно полненькой брюнеткой, с почти черными глазами и четко очерченными бровями.

- Как он умер?

Девушка, опершись поднятыми вверх руками о стену и спрятав вниз лицо, тихонько всхлипывала.

- Прежде чем я вам отвечу, я обязан задать вам один вопрос. Были ли у вашего мужа, насколько вам известно, какие-либо причины для самоубийства? Быть может, состояние его дел...

Мадам Голдфингер промокнула носовым платком повлажневшие глаза, а затем машинальным жестом провела рукой по вискам, поправляя волосы.

- Я не знаю... Я не понимаю... То, что вы сказали, настолько...

И тогда девушка, от которой этого меньше всего ожидали, резким движением обернула к ним побагровевшее и залитое слезами лицо, с глазами, в которых бушевал гнев, если не бешенство, и с неожиданной силой крикнула:

- Ни за что на свете Мишель не покончил бы с собой, если это вас интересует!

- Успокойся, Ева! Вы позволите, господа?... - Мадам Голдфингер присела, облокотившись локтем на деревянный стол. - Где он? Отвечайте! Расскажите, как это произошло...

- Ваш муж умер от пулевого ранения в голову, ровно в десять часов с четвертью, возле аппарата срочной связи с полицией на углу улицы Коленкур.

Послышался хриплый, болезненный всхлип. Плакала Ева. Что до мадам Голдфингер, то ее лицо оставалось бледным и напряженным, а глаза в упор смотрели на комиссара и словно не видели его.

- Где он сейчас?

- Тело отправили в Институт судебной медицины.

Вы сможете увидеть его завтра утром.

- Матильда, ты слышишь? - простонала девушка.

Эти слова уже нарисовали перед ней целую картину.

Быть может, она уже поняла, что будет произведено вскрытие, а затем тело поместят в один из бесчисленных ящиков того огромного холодильника для хранения трупов, каким и был Институт судебной медицины?

- Почему ты молчишь? Почему ты им не скажешь?..

Вдова едва заметно передернула плечами и усталым голосом повторила:

- Я ничего не понимаю.

- Заметьте, мадам, я вовсе не утверждаю, что ваш муж покончил самоубийством...

На сей раз даже Лоньон едва не подпрыгнул и с изумлением воззрился на комиссара. Мадам Голдфингер насупила брови и едва слышно произнесла:

- Не понимаю... Вы ведь только что сказали...

- Что это похоже на самоубийство. Но ведь иногда случается, что преступление походит на самоубийство...

Были ли у вашего мужа враги?

- Нет!

Она выговорила свое "нет" категорично. Почему же тогда обе женщины сразу обменялись беглым взглядом?

- Были ли у него причины покушаться на собственную жизнь?

- Не знаю... Ничего я больше не знаю... Вы должны извинить меня, господа... Я сама сегодня нездорова...

Муж болел, моя сестра вам уже говорила... Он считал свою болезнь серьезней, чем она была в действительности... Его мучили боли... Он соблюдал очень строгую диету и от этого совсем ослаб... К тому же в последнее время у него появились неприятности...

- В связи с делами?

- Вы, должно быть, знаете, что в последние года два торговля бриллиантами переживает кризис... Крупные дельцы еще могут держаться... Но те, у кого нет своего капитала, кто живет, так сказать, одним днем, тот...

- Сегодня вечером у вашего мужа были при себе камни?

- Наверное, были... Он всегда носил их с собой...

- В бумажнике?

- Обычно он держал их именно там... Ведь это не занимает много места, верно?

- Эти бриллианты принадлежали ему лично?

- Это маловероятно... Он редко покупал камни за свой счет, особенно в последнее время... Ему давали их на комиссию...

Выглядело правдоподобно. Мегрэ довольно неплохо знал тот узкий мирок, что обретался в районе улицы Лафайет и точно так же, как его собственный круг, управлялся своими собственными законами. Прямо за столиком кафе нередко из рук в руки безо всяких расписок переходили камни, стоившие огромных состояний. Все здесь знали друг друга. Все понимали, что внутри этого тесного братства ни одному из них и в голову не придет нарушить данное слово.

- У него украли бриллианты?

- Нет, мадам. Вот они... А вот и его бумажник. Я хотел бы задать вам еще один вопрос. Муж держал вас в курсе всех своих дел?

- Да, всех...

Ева вздрогнула. Могло ли это означать, что ее сестра сказала не правду?

- Известно ли вам, чтобы в ближайшее время вашему мужу грозило серьезное разорение?

- Завтра ему должны были предъявить к оплате вексель на тридцать тысяч франков.

- Он располагал такими деньгами?

- Не знаю... Он как раз из-за этого уходил вечером...

У него была встреча с клиентом, из которого он надеялся вытянуть нужную сумму...

- А если бы это ему не удалось?

- Наверное, вексель опротестовали бы...

- Такое уже случалось?

- Нет... Ему всегда удавалось раздобыть деньги в последний момент...

Лоньон испустил мрачный вздох человека, понапрасну теряющего время.

- Таким образом, если бы человек, с которым должен был нынче вечером увидеться ваш муж, не предоставил бы ему необходимой суммы, завтра Голдфингер имел бы на руках опротестованный вексель... Это означает, что его автоматически вычеркнули бы из круга торговцев бриллиантами, так ведь?.. Если я не ошибаюсь, эти господа весьма суровы в отношении подобного рода происшествий?..

- Господи! Какого ответа вы от меня ждете?

Мегрэ вроде бы смотрел на нее, во всяком случае, так казалось со стороны, хотя на самом деле вот уже несколько минут он исподволь наблюдал за одетой в траур юной свояченицей.

Она больше не плакала. Хладнокровие вернулось к ней. Комиссара удивили ее твердый взгляд, строгие и решительные черты лица. Перед ним стояла не рыдающая девушка, но молодая женщина, несмотря на свой юный возраст, умеющая слушать, слышать, замечать, подозревать и строить предположения.

Нет, ошибки быть не могло. Что-то в их взаимном обмене репликами поразило ее, и теперь она пристально вслушивалась, стараясь ни слова не упустить из того разговора, который продолжался вокруг нее.

- Вы носите траур? - обратился он к ней.

И хотя он обернулся к Еве, на его вопрос ответила Матильда:

- Мы обе носим траур по матери, которая умерла полгода назад... Как раз с этого времени сестра и живет с нами...

- Вы работаете? - снова спросил Мегрэ Еву.

И снова вместо нее ответила сестра:

- Она работает машинисткой в страховой компании на бульваре Осман.

- Последний вопрос. Поверьте, мне очень неловко...

У вашего мужа имелся револьвер?

- Да, он у него был... Только он его практически никогда не носил с собой... Он и сейчас должен валяться в ящике тумбочки.

- Будьте так любезны, проверьте, пожалуйста, на месте ли он.

Она поднялась, прошла в комнату и щелкнула выключателем. Стало слышно, как она выдвигает ящик, как роется в лежащих там предметах. Когда она вернулась, взгляд ее заметно помрачнел.

- Его там нет, - не присаживаясь, сказала она.

- Давно вы его там видели?

- Самое большее несколько дней назад... Не могу сказать, когда именно... Пожалуй, позавчера, когда занималась большой уборкой...

Ева приоткрыла было рот, но, несмотря на подбадривающий взгляд комиссара, промолчала.

- Да... Должно быть, это было позавчера...

- Сегодня вечером, когда ваш муж пришел ужинать, вы уже спали?

- Я легла в два часа дня, потому что страшно устала...

- Если бы он открыл ящик, чтобы достать револьвер, вы бы услышали?

- Думаю, что услышала бы...

- Есть ли в этом ящике вещи, которые могли ему понадобиться?

- Нет... Там только лекарство, которое он принимает по ночам при сильных болях, упаковки старых таблеток да пара очков с разбитым стеклом...

- Сегодня утром, когда он одевался, вы были в комнате?

- Да... Я убирала постели...

- Выходит, муж должен был взять револьвер или вчера, или позавчера вечером?

И снова Ева сделала движение, собираясь заговорить.

Она уже открыла рот. Но нет. Снова промолчала.

- Мне остается лишь поблагодарить вас, мадам...

Кстати, вам известна марка револьвера?

- Это браунинг калибра 6,38 миллиметров. Номер вы найдете в его бумажнике, потому что у него было разрешение на оружие.

Что в точности и подтвердилось.

- Завтра утром, если вы не возражаете, в удобное для вас время за вами придет инспектор Лоньон, который ведет расследование по этому делу, и отвезет вас для опознания тела...

- Когда ему будет угодно... Начиная с восьми утра...

- Договорились, Лоньон?

Они вышли и снова оказались на скудно освещенной лестничной площадке с потертым ковром и потемневшими стенами. Дверь за ними закрылась. Из квартиры не доносилось ни звука. Обе женщины хранили молчание. Они даже не обменялись ни единым словом.

Уже на улице Мегрэ поднял голову к освещенному окну и пробормотал:

- Теперь, когда мы их не слышим, ручаюсь, там будет жарко.

За занавеской скользнула тень. Хоть и искаженный, в ней легко угадывался силуэт девушки, которая быстро шла через столовую. Почти сейчас же загорелось второе окно, и Мегрэ готов был поспорить, что Ева закрылась на двойной запор в своей комнате, а ее сестра напрасно пытается уговорить ее открыть дверь.

Глава 2

НЕУДАЧИ И ОБИДЫ ИНСПЕКТОРА ЛОНЬОНА

Странное существование он вел... Мегрэ напускал на себя ворчливый вид, хотя на самом деле не уступил бы сейчас свой стул даже в обмен на лучшее кресло в партере Оперы. Разве есть на земле место, где можно чувствовать себя больше дома, чем глубокой ночью в просторных помещениях полицейского управления? Настолько дома, что он скинул пиджак, снял галстук и расстегнул ворот рубашки. Чуть поколебавшись, сбросил и туфли, которые ему немного жали.

В его отсутствие действительно звонили из Скотленд-Ярда. Сообщение передали Даниэлю, его племяннику, который как раз только что и доложил о нем.

Мошенник, которым занимался Мегрэ, в Лондоне не появлялся уже больше двух лет, но, судя по последним данным, якобы мелькал в Голландии.

Мегрэ связался с Амстердамом и теперь ждал, что ему сообщат из сыскной полиции Нидерландов. Время от времени он созванивался с инспекторами, которые следили за типом возле дверей его апартаментов в "Кларидже" и в гостиничном холле.

Иногда, с зажатой в зубах трубкой, со взлохмаченными волосами, он приоткрывал дверь кабинета и окидывал взглядом длинный коридор, освещенный всего двумя ночниками; больше всего в эти минуты он походил на бравого селянина, озирающего ранним воскресным утром с порога собственного дома свой скромный садик.

В конце коридора сидел за маленьким столиком под лампой с зеленым абажуром седой как лунь старик Жером, ночной сторож, прослуживший в заведении больше тридцати лет. Водрузив на нос очки в стальной оправе, он неизменно читал объемистый медицинский трактат, один и тот же, все эти годы. Читал он по слогам, как читают дети, и шевелил при этом губами.

Время от времени, не вынимая рук из карманов, он заходил в кабинет инспекторов, расположенный в паре шагов от его собственного, где двое дежурных, в полурасстегнутых, как у него, рубашках, играли в карты, дымя сигаретами.

Так он слонялся то туда, то сюда. Сразу за его кабинетом находилась узенькая клетушка, в которой стояла походная кровать. Пару-тройку раз он вытягивался на ней, но не смог даже задремать. Было жарко, несмотря на припустивший еще сильнее дождь, потому что за день солнце успело здорово нагреть помещение.

Один раз Мегрэ уже подошел было к своему телефону, но в последний момент рука его, уже готовая снять трубку, замерла. Он побродил еще немного, вернулся к инспекторам, понаблюдая какое-то время за карточной игрой и еще раз приблизился к телефонному аппарату.

Он напоминал маленького мальчика, который старается, но никак не может сдержать снедающего его желания. Если бы еще Лоньон не был таким недотепой!

Хотя, разумеется, дело было не в Лоньоне. Мегрэ имел полное право взять в свои руки расследование дела с улицы Ламарк, мало того, он сгорал от соблазна именно так и поступить.

И вовсе не потому, что считал это дело способным вызвать сенсацию. Арест мошенника, например, который по-прежнему не вызывал в нем ни малейшего интереса, произведет гораздо больший эффект. Но, как ни старался он отвлечься, у него перед глазами все так же вставали залитый дождем столбик вызова срочной полицейской помощи, тщедушное тело жалкого торговца бриллиантами, обе сестры и их квартира.

Как бы это выразить? Это было одно из дел, самый аромат которого нравился ему с самого начала. Ему хотелось вдыхать его вновь и вновь, чтобы, насквозь пропитавшись им, дожидаться минуты, когда истина явится сама собой.

И тут подворачивается этот бедолага Лоньон! Лоньон, который, в сущности, был лучшим, во всяком случае, самым добросовестным из всех инспекторов, добросовестным настолько, что от него просто тошнило.

Неудачи, сыпавшиеся на Лоньона с завидным постоянством, в конце концов превратили его в озлобленное существо, напоминающее всеми гонимого шелудивого пса.

Стоило Лоньону начать работать над каким-нибудь делом, как его одолевало несчастье за несчастьем. Если он, к примеру, собирался арестовать виновного, то выяснялось, что у того такие высокие покровители, что лучше оставить его в покое; случалось и так, что в последний момент инспектор вдруг заболел и ему приходилось передавать совсем готовое дело кому-нибудь из коллег, а бывало, что и следователь прокуратуры, жаждавший повышения по службе, перехватывал у него из-под носа все лавры победителя.

Неужели и на этот раз Мегрэ поневоле станет тем, кто вырвет у бедолаги Недотепы кусок из рта? Самое неприятное, что Лоньон и жил-то в этом самом квартале, на площади Константен-

Пекер, в ста пятидесяти метрах от столбика, возле которого умер Голдфингер, в трехстах от квартиры торговца камнями.

- Амстердам?..

Мегрэ записывал сведения, которые ему передавали.

Поскольку, покинув Гаагу, мошенник самолетом перебрался в Базель, комиссар тут же связался со швейцарской полицией, но думать он продолжал о несчастном торговце, его жене и свояченице. И всякий раз, когда он укладывался на свою походную кровать в надежде заснуть, эти трое все отчетливее всплывали в его памяти.

Тогда он снова шел в кабинет глотнуть пива. Едва вернувшись к себе, он заказал в пивной "У дофины" три пол-литровых кружки и целую гору сандвичей.

Эге, а это что такое? Под одной из дверей виднелась полоска света. Там работал комиссар финансового отдела. В этот кабинет поболтать не зайдешь. Его хозяин, прямой, как трость от зонта, господин, всегда одетый с иголочки, в лучшем случае церемонно раскланивался с сослуживцами. Раз он проводит ночь в полицейском управлении, значит, завтра на бирже будет суматоха.

Накануне вечером в театре "Мадлен" давали праздничный концерт, посвященный его столетнему юбилею, а после концерта был еще и ужин. Доктор Поль, самый светский из всех парижских врачей, близко знакомый со многими звездами, наверняка отправился туда и вряд ли мог вернуться домой раньше двух часов ночи. Даже если он решил переодеться, - хотя ему случалось заявляться в морг прямо во фраке, - все равно он уже с четверть часа как должен был появиться в Институте судебной медицины.

Мегрэ не выдержал и снял трубку:

- Институт судебной медицины, пожалуйста...

Алло! Говорит Мегрэ. Вы не попросите доктора Поля на минуточку к телефону?.. Что-что?.. Он не может?..

Уже начал вскрытие?.. А кто у аппарата? Его препарат? Добрый вечер, Жан. Будьте добры, от моего имени попросите доктора исследовать содержимое желудка покойного. Да... Да, очень тщательно... В частности, мне хотелось бы знать, глотал ли он что-либо, пищу или напитки, после ужина, который съел около половины восьмого вечера... Спасибо... Да, пусть позвонит мне сюда. Я всю ночь тут пробуду...

Он положил трубку и снова поднял ее, попросив соединить со службой прослушивания Центральной телефонной станции.

- Алло! Говорит комиссар Мегрэ. Я хотел бы, чтобы вы записывали все телефонные разговоры, которые поступят в квартиру или из квартиры некоего Голдфингера, по адресу: улица Ламарк, дом 66-бис. Да, прямо с этой минуты...

Если Лоньон уже подумал об этом, тем хуже для Лоньона. Впрочем, ему он тоже позвонил, по домашнему номеру телефона, на площадь Константен-Пекер. Трубку сняли сразу, значит, инспектор тоже не ложился.

- Это вы, Лоньон? Говорит Мегрэ... Простите, что тревожу...

Вот в этом был весь инспектор Недотепа! Вместо того чтобы спать, он уже сидел и строчил рапорт. В его голосе звучало угрюмое беспокойство.

- Полагаю, господин комиссар, что вы отстраняете меня от расследования?

- Да что вы, старина! Вы это дело начали, вам его и заканчивать! Я только хотел попросить вас, просто как личное одолжение, держать меня в курсе...

- Мне следует прислать вам копии рапортов?

Лоньон оставался Лоньоном.

- Да нет, не стоит...

- Дело в том, что я рассчитывал докладывать своему непосредственному руководителю, комиссару округа...

- Конечно, конечно... Кстати, я тут подумал о паре-тройке моментов. Уверен, что и вы о них подумали...

Ну, например, вам не кажется, что будет полезно поставить двух инспекторов понаблюдать за домом?.. Если выйдет одна из женщин или они обе выйдут в разное время, инспектора могли бы проследить за всеми их передвижениями...

- Я уже поставил одного человека следить за домом...

Хорошо, я направлю еще одного... Полагаю, если в мой адрес поступят упреки, что я использую слишком много сотрудников...

- Никто вас ни в чем не упрекнет... А из службы криминалистического учета вам уже что-нибудь сообщили по поводу отпечатков на револьвере?

Кабинеты и лаборатории этой службы располагались в верхних этажах полицейского управления, прямо над головой Мегрэ, но он до последнего щадил болезненную обидчивость инспектора.

- Они мне только что звонили... Отпечатков много, но все они слишком смазанные, чтобы быть полезными... Похоже, что оружие вытерли, хотя это трудно утверждать, потому что шел дождь...

- Вы отправили револьвер Гастин-Ренетту?

- Да. Он обещал к восьми часам прийти в лабораторию и сейчас же осмотреть оружие...

Мегрэ хотелось дать ему и другие советы. Он сгорал от нетерпения погрузиться в это дело по самое горло. Но стоило на другом конце провода зазвучать ноющему голосу инспектора Недотепы, как его охватывала жалость.

Это была настоящая пытка.

- Ну ладно... Не буду мешать вам работать...

- Вы в самом деле не хотите забрать себе это дело?

- Конечно не хочу, старина! Трудитесь! Удачи вам!

- Спасибо...

Так и тянулась эта ночь, и в знакомом тепле просторных помещений, в темноте как бы сжежившихся, их оставалось всего пятеро, кто работал или просто бродил туда-сюда. Время от времени звонил телефон. Сначала позвонили из Базеля. Потом из "Клариджа".

- Слушайте, детки. Если он спит, то и пусть спит...

Вот когда позвонит, чтобы ему принесли завтрак, тогда вы к нему и заявитесь. И вежливо попросите прогуляться вместе с вами на набережную Орфевр... Главное, никакого шума... Директор "Клариджа" этого не любит...

Домой он пришел в восемь утра, и всю дорогу думал, что в эту самую минуту чертов Лоньон сажает в такси на улице Ламарк Матильду и Еву, чтобы везти их в Институт судебной медицины.

На бульваре Ришар-Ленуар квартира была уже чисто убрана, мадам Мегрэ сияла свежестью, а завтрак ждал его на столе.

- Тебе только что звонил доктор Поль.

- Долго же он прокопался...

Желудок бедняги Голдфингера не содержал ничего, кроме наполовину переваренных остатков ужина: овощного супа, макарон и постной ветчины. После восьми часов вечера торговец бриллиантами не держал во рту ни крошки.

- Даже стакана минеральной воды? - настойчиво допытывался Мегрэ.

- Во всяком случае, не в те полчаса, что предшествовали смерти...

- А язву желудка обнаружили?

- Если точнее, язву двенадцатиперстной кишки.

- Но рака не было?

- Рака точно не было.

- Значит, он мог еще жить и жить?

- И очень долго. И даже поправиться.

- Спасибо вам, доктор. Будьте так любезны, пошлите свой отчет инспектору Лоньону. Что-что? Ну да, инспектору Недотепа... Успешного вам дня!

Мадам Мегрэ, увидев мужа направляющимся в ванную комнату, не сдержалась:

- Ты, надеюсь, ляжешь спать?

- Еще сам не знаю... Я ночью немного поспал...

Он принял ванну, затем ледяной душ, потом с аппетитом поел, глядя в окно на дождь, который все лил и лил, словно наступило утро Дня всех святых <отмечается Католической церковью 1 ноября>. В девять часов он уже разговаривал по телефону со знаменитым экспертом по оружию.

- Алло! Послушайте, Мегрэ, во всей этой истории есть одна деталь, которая не дает мне покоя... Это ведь были гангстеры?

- Почему вы так решили?

- А вот смотрите... Револьвер, переданный мне для экспертизы, бесспорно, является оружием, из которого была выпущена пуля, обнаруженная в черепной коробке покойного...

Мегрэ назвал номер браунинга, принадлежавшего Голдфингеру. Эксперт ведь понятия не имел об обстоятельствах происшедшего. Он строил свои суждения исключительно на вещественных доказательствах.

- Так что же не дает вам покоя?

- При осмотре ствола револьвера я заметил на его внешней поверхности, ближе к краям, маленькие тонкие бороздки, похожие на царапины. Тогда я поэкспериментировал на других револьверах того же калибра.

Мне удалось добиться идентичного результата, установив на стволе американскую модель глушителя.

- Вы в этом уверены?

- Я утверждаю, что на револьвере, переданном мне для осмотра, некоторое время назад, максимум два дня, но вероятнее, раньше, был установлен глушитель.

- Будьте добры, отошлите письменный отчет инспектору Лоньону, который ведет расследование по этому делу.

В ответ Гастин-Ренетт, в точности как и доктор Поль, воскликнул:

- Инспектору Недотепа?

Мадам Мегрэ вздохнула:

- Уходишь?.. Зонтик хоть возьми...

Он действительно ушел, но отправился вовсе не туда, куда ему хотелось бы. А все из-за этой скотины инспектора и из-за его невезучести. Если б он мог слушать только себя, то направил бы такси на угол улиц Коленкур и Ламарк. Что он стал бы там делать? Да ничего особенного. Просто подышал бы воздухом этой улицы, обнюхал бы все углы, зашел бы в местные бистро и послушал бы, о чем судачат люди, со времени выхода утренних газет наверняка уже посвященные в курс дела.

Уходя из дому, Голдфингер сообщил, что у него встреча где-то поблизости. Если он покончил с собой, то про встречу мог просто сочинить. Но откуда в таком случае взялся глушитель? Как совместить наличие данного приспособления, которым пользуются крайне редко и которое вдобавок ко всему не так-то легко раздобыть, со звуком выстрела, заставившего едва ли не подпрыгнуть телефонный аппарат Центрального полицейского участка?

Если у торговца бриллиантами действительно было назначено свидание... Обычно свидания не назначают прямо на улице, да еще в десять часов вечера, да еще под проливным дождем. Скорее уж в кафе или в баре...

Но с той минуты, как торговец бриллиантами вышел из дому, он ничего не ел и не пил, даже стакана минеральной воды.

Мегрэ очень хотелось проделать тот же самый путь, вплоть до столбика связи с полицией.

Нет! Что-то не клеилось. Он чувствовал это с самого начала. Да, такому человеку, как Стан-Убийца, вполне могла прийти в голову мысль обложить последними словами полицию, поиздеваться напоследок, прежде чем пустить себе пулю в лоб. Но не этой мокрой курице Голдфингеру!

Мегрэ сел в автобус и, оставшись стоять на площадке, предался рассеянному созерцанию утреннего Парижа. Струи дождя колотили по старым машинам, а люди вокруг сновали, словно муравьи, торопясь кто на службу, кто по магазинам.

...Не может одна и та же идея вдохновить двух разных людей с интервалом в полгода... Особенно если речь идет о такой причудливой идее, как попытка предупредить полицию, чтобы превратить ее в своеобразного свидетеля на расстоянии собственного самоубийства...

...Можно повторить что-то... Нельзя это что-то изобрести дважды... Это так же верно, как и то, что если кто-нибудь пожелает свести счеты с жизнью, бросившись вниз с четвертого яруса Эйфелевой башни, а газеты проявят неосторожность и напишут об этом, то вскоре начнется целая эпидемия аналогичных самоубийств: в ближайшие месяцы человек пятнадцать, а то и двадцать спрыгнут с той же самой башни и тоже с четвертого яруса.

Да, но в последнее время не было никаких разговоров о Стане... Разве что в самом полицейском управлении... Вот это-то и терзало Мегрэ с того самого мига, когда он попрощался с Даниэлем и отправился на улицу Коленкур.

- Господин комиссар, вам звонили из "Клариджа"...

Два его инспектора. Мошенник - его кличка была Коммодор - только что позвонил, чтобы ему принесли завтрак.

- Мы пошли, патрон?

- Ступайте, детки...

В душе он посылал своего международного мошенника ко всем чертям и мысленно туда же готов был отправить Лоньона.

- Алло! Это вы, господин комиссар?.. Говорит Лоньон...

Проклятие! Как будто он мог спутать с кем-нибудь еще унылый голос инспектора Недотепы!

- Я только что из Института судебной медицины...

Мадам Голдфингер не смогла поехать с нами...

- Что-о?

- Утром она пребывала в таком нервном расстройстве, что попросила у меня позволения остаться в постели... Когда я пришел, у нее сидел врач... Это их участковый врач, доктор Ланжевен. Он подтвердил, что его пациентка дурно провела ночь, хотя явно переусердствовала со сновторными...

- И с вами поехала младшая сестра?

- Да... Она опознала труп... За всю дорогу она не вымолвила ни слова... Она выглядела совсем не так, как вчера... Меня очень удивил ее вид... такой твердый и решительный...

- Она плакала?

- Нет... Стояла возле тела словно одеревеневшая...

- А где она сейчас?

- Я проводил ее до дому... Она переговорила о чем-то с сестрой, а потом опять ушла и отправилась в фирму "Борниоль" заниматься организацией похорон...

- Вы послали за ней агента?

- Да... Второй остался возле дверей дома. Ночью из дома никто не выходил... И телефонных звонков не было...

- Вы предупредили станцию прослушивания?

- Да...

Немного поколебавшись, словно сглотив слюну перед тем, как высказать что-то неприятное, Лоньон произнес:

- Устный рапорт, который я вам делаю, записывает стенограф. Письменную копию я пришлю вам с курьером до полудня, а вторую копию отправлю своему вышестоящему начальству, чтобы все было по правилам...

Мегрэ буркнул себе под нос:

- Пошел к черту!

Вот в этом бюрократическом формализме был весь Лоньон. Он настолько привык, что даже лучшие его начинания всегда оборачиваются против него же, что теперь соблюдал самую нелепую предосторожность, делавшую его совершенно невыносимым.

- Вы где сейчас, старина?

- В "Маньере"...

Это была пивная на улице Коленкур, неподалеку от того места, где умер Голдфингер.

- Я обошел все быстро в квартале... Показывал фотокарточку торговца бриллиантами, ту, что на его удостоверении личности. Это свежая фотография, потому что удостоверение выдали меньше года назад... Вчера вечером около десяти часов никто Голдфингера не видел... Вообще-то его здесь и не знают, вот разве что в маленьком баре, который держит приезжий из Оверни, в пятидесяти метрах от его дома. Раньше Голдфингер часто заходил туда звонить, пока два года назад ему не поставили телефон в квартире...

- А женился он...

- Восемь лет назад. Я сейчас отправляюсь на улицу Лафайет. Если у него в самом деле была назначена встреча, то договориться о ней он почти наверняка мог только там... Поскольку в кругу торговцев бриллиантами все друг друга знают...

Мегрэ злился, что не может заняться всем этим сам.

Не может пойти потеряться среди людей, знавших Голдфингера, и штрих за штрихом дополнить образ, который сложился у него об этом человеке.

- Ступайте, старина... И держите меня в курсе...

- Вы получите мой рапорт...

Между тем дождь, который сыпал теперь мелко-мелко и всем своим видом словно показывал, что прекращаться не намерен никогда, переполнял его желанием выйти вон, на улицу. А заниматься приходилось таким скучным типом, как этот международный мошенник, специализировавшийся на отмывании чеков и ценных бумаг на предъявителя, этим господином,

который более или менее долгое время будет пытаться держать себя нагло и высокомерно, но в конце концов выдаст всех сообщников.

Его как раз привели. Это был красивый мужчина лет пятидесяти, выглядевший так же утонченно, как какой-нибудь знатный завсегдатай престижного клуба. Он старательно разыгрывал удивление.

- Будете говорить?

- Простите, - отозвался тип, поигрывая моноклем. - Я не совсем понимаю. Очевидно, произошло ошибка и меня приняли за кого-то другого...

- Пой, пташка, пой...

- Что вы сказали?

- Я сказал: пой, пташка! Слушайте, у меня нынче совсем нет настроения разыгрывать перед вами цирк с многочасовым допросом. Видите этот кабинет?.. Так вот, зарубите себе на носу, что вы не выйдете отсюда, пока не назовете мне всех своих сообщников. Жанвье!

Люка! Снимите с него галстук и выньте из ботинок шкурки. Теперь наденьте на него наручники! Не спускайте с него глаз и не давайте ему шевельнуться...

Пока, детки...

Тем хуже для Лоньона! Хотя ему-то как раз повезло!

Он мог в свое удовольствие ходить и дышать атмосферой улицы Лафайет. Мегрэ поймал такси.

- На улицу Коленкур. Я скажу, где остановиться...

Он испытывал удовольствие уже от одной мысли, что скоро будет на улице, где Голдфингер был убит, где, во всяком случае, он умер прямо перед столбиком вызова полиции, выкрашенным красной краской.

Он пешком прошел по улице Ламарк, высоко подняв воротник пиджака, потому что, несмотря на материнскую заботу мадам Мегрэ, зонтик он все-таки оставил на набережной Орфевр...

В нескольких шагах от дома 66-бис он заметил человека, в котором признал инспектора, - раньше ему уже приходилось встречаться с ним. Инспектор тоже узнал знаменитого комиссара, но из скромности сделал вид, что не заметил его.

- Поди сюда... Никто не выходил? На четвертый этаж никто не поднимался?

- Никто, господин Мегрэ... Я шел по лестнице за всеми, кто заходил в дом. Да и тех было мало. Одни поставщики...

- Мадам Голдфингер все еще в постели?

- Наверное. А вот молодая сестрица куда-то ушла.

За ней пошел Марсак, мой коллега.

- Она взяла такси?

- Дождалась автобуса на углу улицы.

Мегрэ зашел в дом, не останавливаясь, миновал каморку консьержки, поднялся на четвертый этаж и позвонил в ту дверь, что располагалась справа. Раздался звонок. Он напряг слух и даже приложил ухо к двери, но не уловил ни малейшего звука. Тогда он позвонил второй раз и третий. Вполголоса произнес:

- Полиция!..

Он, конечно, знал, что мадам Голдфингер лежала в постели, но не настолько же она была больна, чтобы не суметь встать и ответить, хотя бы через запертую дверь.

Он быстренько спустился на первый этаж.

- Госпожа Голдфингер никуда не выходила, верно?

- Нет, месье... Она больна. Утром к ней приходил доктор. Вот сестра ее, та действительно ушла...

- У вас есть телефон?

- Нет. Но вы можете позвонить из бара, который держит овернец, это всего в паре шагов отсюда.

Он поспешил в бар, спросил номер Голдфингера и долго слушал, как в пустоте квартиры трезвонит телефонный звонок.

Лицо Мегрэ в ту минуту выражало самую настоящую ярость. Он попросил соединить его со станцией прослушивания.

- Какие-нибудь звонки в квартиру Голдфингера были?

- Нет, ни одного. Ни одного звонка с той самой минуты, когда вы ночью оставили свое распоряжение.

Да, кстати, инспектор Лоньон тоже...

- Я знаю.

Он был взбешен. Эта тишина никак не вязалась ни с одним из его предположений. Он снова пошел к дому 66-бис.

- А ты уверен, что на четвертый этаж никто не заходил? - спросил он у дежурящего на улице инспектора.

- Клянусь вам в этом. Я шел за каждым, кто входил в дом. Я даже составил список этих людей, как мне посоветовал сделать инспектор Лоньон.

Ну и зануда же он, этот Лоньон!

- Пошли со мной. Если понадобится, сходишь потом за слесарем. Наверное, поблизости есть какой-нибудь...

Они поднялись на четвертый этаж. Мегрэ снова позвонил. Вначале было тихо. Потом ему показалось, что в глубине квартиры кто-то задвигался. Он повторил:

- Полиция!

- Секундочку! - ответил им голос издалека.

Секундочка продлилась не меньше трех минут. Неужели на то, чтобы накинуть халат, сунуть ноги в тапочки и даже, в крайнем случае, ополоснуть водой лицо, нужно целых три минуты?

- Это вы, господин комиссар?

- Да, это я. Мегрэ.

Щелкнул отодвигаемый засов, заскрежетал ключ в замочной скважине.

- Простите меня... Я, наверное, заставила вас долго ждать?

Он подозрительно и настойчиво переспросил:

- Что вы имеете в виду?

Заметила ли она, что ляпнула глупость? Затем она пролепетала заспанным голосом, который, на взгляд комиссара, казался чересчур уж заспанным:

- Не знаю... Я спала... Я приняла сильное снотворное, чтобы уснуть... Сквозь сон мне казалось, я слышала звонок...

- Какой звонок?

- Сама не пойму... Может быть, это мне просто снилось... Входите, пожалуйста... Сегодня утром я была не в состоянии поехать с вашим инспектором. У меня сидел врач...

- Я знаю.

Мегрэ закрыл за собой дверь, оставив агента на лестничной площадке, и принялся мрачно осматривать все вокруг.

На Матильде был все тот же голубой халат, который он видел накануне вечером. Она сказала:

- Вы мне позволите пойти прилечь?

- Прошу вас...

В столовой на столе все еще стояла чашка из-под кофе с молоком, лежали хлеб и масло, видимо, остатки завтрака Евы. В своей неприбранной комнате мадам Голдфингер с болезненным стоном опустила на постель.

Что тут было не так? Он обратил внимание, что женщина улеглась прямо в халате. Это, конечно, могло быть вызвано стыдливостью.

- Вы долго простояли на площадке?..

- Нет...

- А по телефону не звонили?

- Нет...

- Странно... Мне снился какой-то настойчивый телефонный звонок...

- В самом деле?

Отлично. Теперь он понял, что его поразило. У этой женщины, которая утверждала, что только что едва пробудилась от глубокого сна, и не просто сна, а от вызванного снотворным наркотического забытья, у этой женщины, которая, по словам ее врача, всего три часа назад пребывала в состоянии нервного расстройства, волосы были уложены в аккуратную прическу, как если бы она собиралась в гости.

Было и еще кое-что. Чулок. Шелковый чулок, чуть выглядывавший из-под простыни. Допустить, что он торчал там со вчерашнего вечера? Мегрэ уронил трубку и наклонился ее поднять, что позволило ему удостовериться, что под кроватью второго чулка не было.

- У вас есть для меня новости?

- Самое большее, что я могу, это задать вам еще несколько вопросов... Минутку... Где ваша пудра?

- Какая пудра?

- Рисовая.

Ее лицо покрывал свежий слой пудры, но в комнате комиссар не видел ничего похожего на коробку с пудрой.

- На столике в туалетной комнате... Вы об этом говорите из-за того, что я заставила вас ждать? Клянусь вам, когда я услышала звонок, то совершенно машинально слегка привела себя в порядок...

Мегрэ так хотелось буркнуть: "Не правда!" Но вслух он сказал:

- Ваш муж застраховал свою жизнь?

- Он оформил страховку на триста тысяч франков в тот год, когда мы поженились. Позже он оформил еще одну, чтобы довести общую сумму до миллиона...

- Давно он это сделал?

- Полисы лежат в секретере, у вас за спиной... Откройте его... Он не заперт. Полисы в левом ящике.

Два полиса одной и той же компании. Первый составлен восемь лет назад. Мегрэ сейчас же перевернул страницу, отыскивая статью, в наличии которой почти не сомневался.

"В случае самоубийства..."

Лишь несколько компаний выплачивают страховку в результате гибели от самоубийства. Именно так обстояло дело и в данном случае, правда, с одной оговоркой: деньги могли быть выплачены, если самоубийство совершится не раньше, чем через год после подписания полиса. - Второй страховой документ, на сумму в семьсот тысяч франков, содержал аналогичную статью. Мегрэ сразу взглянул на последнюю страницу, где стояла дата. Полис был подписан ровно тринадцать месяцев тому назад.

- А ведь дела у вашего мужа в ту пору шли далеко не блестяще...

- Знаю... Я не хотела, чтобы он оформлял страховку на такую крупную сумму, но он был убежден, что серьезно болен, и рассчитывал таким образом обеспечить меня...

- Я смотрю, все взносы уплачены в срок. Наверное, это давалось ему нелегко...

В дверь позвонили. Мадам Голдфингер изобразила вялый жест, словно намереваясь подняться, но комиссар уже шел открывать. И очутился нос к носу с Лоньоном, у которого мгновенно кровь отлила от лица, а губы, дрожащие, словно у готового расплакаться ребенка, залепетали:

- Извините, пожалуйста...

- Напротив, это вы меня извините... Заходите, старина...

Мегрэ все еще держал в руках полисы. Инспектор ткнул в них пальцем:

- Мне не стоило приходиться... Я ведь шел сюда как раз за этим...

- В таком случае вместе и уйдем.

- Раз вы сами пришли, мне, наверное, здесь больше делать нечего. Лучше мне пойти домой... И жена как раз приболела...

В довершение всех несчастий Лоньона, ему попала на редкость сварливая жена, которая через день изображала из себя больную, так что по вечерам инспектору приходилось еще и заниматься домашним хозяйством.

- Уходим вместе, старина... Вот только шляпу свою заберу...

Мегрэ чувствовал себя смущенным и готовым бормотать извинения. Он злился на себя за то, что обидел этого бедолагу, преисполненного лучших побуждений. Кто-то поднимался по лестнице им навстречу. Это возвращалась Ева. Бросив на них холодный взгляд, она, конечно, заметила и полисы у них в руках. Сухо кивнула и пошла дальше.

- Идем, Лоньон. Думаю, здесь мы больше пока ничего не узнаем. Скажите, мадемуазель, когда состоятся похороны?

- Послезавтра... Тело привезут сегодня во второй половине дня...

- Благодарю вас...

Занятная девушка. А ведь в нервном напряжении пребывала именно она, и это ее следовало бы уложить в постель с хорошей дозой снотворного.

- Послушайте, Лоньон, старина...

Мужчины спускались по лестнице гуськом, и Лоньон все вздыхал и качал головой:

- Я ведь понял... С первой минуты понял...

- Что вы поняли?

- Что это дело не для меня... Я составлю для вас свой последний рапорт...

- Да нет же, старина...

Они уже шли мимо каморки консьержки.

- Погодите минутку. Я только задам один вопрос этой славной женщине. Скажите, мадам, госпожа Голдфингер часто выходит из дому?

- Утром ходит за покупками... После обеда иногда ходит в универмаг... Но не сказать, чтобы часто...

- А гости к ней ходят?

- Да можно сказать, никогда... Такие спокойные люди...

- А живут они в этом доме давно?

- Шесть лет... Если бы все жильцы были такие же...

Лоньон стоял, мрачно насупившись и низко опустив голову. Он демонстративно не принимал никакого участия в разговоре, который его больше не касался. Еще бы! Сам шеф с набережной Орфевр перебежал ему дорогу!

- А она всегда была такой домоседкой?

- Да как сказать... Вот зимой одно время... Она чуть не каждый день после обеда куда-то уходила... Говорила, что ходит к подруге, которая ждала ребенка, чтоб та не скучала...

- А вы эту подругу видели?

- Нет. Они потом, наверное, поссорились...

- Большое вам спасибо. А было это перед тем, как сюда переехала Ева, верно?

- Да, примерно в это самое время мадам Голдфингер и перестала часто уходить из дому.

- А вас это не удивляло?

Наверное, консержка что-то припомнила. На какой-то миг взгляд ее застыл, но почти тотчас же она отрицательно покачала головой:

- Да нет... Ничего же не случилось...

- Спасибо вам!

На улице по-прежнему дежурили два инспектора, делавшие вид, что не знакомы друг с другом.

- Инспектор, пойдете-ка в "Маньер"... Я только позвоню и буду целиком в вашем распоряжении.

- Как скажете... - вздохнул Лоньон, мрачней еще больше.

- Алло, Люка?! Ну как там наш Коммодор?

- Доходит потихоньку...

- Все такой же неприступный?

- Он уже начинает страдать жаждой, да так, что слюнки текут... Думаю, он дорого дал бы за кружку пива или коктейль...

- Получит, когда расколется. Ну, пока...

Он вернулся к Лоньону и обнаружил, что тот, пристроившись за мраморным столиком кафе, уже составляет на фирменном бланке "Маньер" прошение об отставке, выводя буквы красивым и четким почерком старшего сержанта.

Глава 3

СЛИШКОМ СПОКОЙНАЯ ЖИЛИЧКА И ГОСПОДИН, РОДИВШИЙСЯ ОТНЮДЬ НЕ ВЧЕРА

Допрос Коммодора продолжался восемнадцать часов, прерываемый телефонными звонками в Скотленд-Ярд, в Амстердам, Базель и даже в Вену. Кабинет Мегрэ, заставленный пустыми стаканами и тарелками из-под сэндвичей, с полом, усыпанным пеплом от трубочного табака, с разбросанными повсюду бумагами, напоминал теперь солдатскую караулку. На рубашке комиссара, хоть он и скинул пиджак с самого начала, расплзались под мышками широкие полукружья пота.

Поначалу он обращался со своим именитым клиентом по-джентльменски. К концу он уже тыкал ему, как обыкновенному карманнику или своему подчиненному:

- Слушай, старик... Между нами, ты ведь хорошо знаешь...

Его совершенно не интересовало то, чем он сейчас занимался. И может быть, именно поэтому ему таки удалось дожать мошенника, отличавшегося завидным упрямством. Тот просто ничего не понимал, глядя, как комиссар с увлечением отвечает на телефонные звонки или звонит сам, обсуждая дела, которые не имели к нему никакого отношения.

И все это время делом, к которому рвалось сердце Мегрэ, занимался Лоньон.

- Понимаете, старина, - сказал он ему еще в "Маньере", - чтобы распутать эту историю, необходим человек, живущий здесь же, в этом квартале, то есть такой человек, как вы... Вы лучше кого бы то ни было знаете и местных жителей, и местные особенности... Если я и позволил себе...

Это был бальзам. Целебная мазь. Много-много целебной мази, призванной исцелить раны, нанесенные самолюбию инспектора Недотепы.

- Голдфингера убили, верно?

- Раз вы говорите...

- И вы тоже так думаете... Это одно из самых изящных преступлений за все время моей работы. Полиция в роли свидетеля самоубийства! Ловко задумано! Я ведь сразу заметил, старина, что вас это поразило с самого начала... Центральный полицейский участок как будто сам присутствовал на месте, где случилось самоубийство... Но вот следы глушителя... Вы сразу подумали, что что-то не так, едва Гастин-Ренетт прислал вам свой отчет... Из револьвера Голдфингера была выпущена всего одна пуля, и револьвер в момент выстрела был снабжен глушителем... Иначе говоря, мы услышали другой выстрел, второй выстрел, произведенный из другого оружия... Вы поняли это так же хорошо, как и я. Кто такой был Голдфингер? Несчастный бедолага, которому не сегодня-завтра грозило разорение...

Действительно, бедолага, и у Лоньона имелись тому доказательства. На улице Лафайет о покойном говорили с симпатией, но и с некоторой долей презрения.

У них не принято жалеть людей, которые позволяют себя дурить. А он не раз оказывался в дураках! С рассрочкой на три месяца продал камни ювелиру из Беконле-Брюийер, почтенному отцу семейства, одному из тех, про кого говорят "живым в рай попадет", а тот возьми и на старости лет свяжись с какой-то девицей, даже не хорошенькой... Быстренько перепродал его камешки и вместе с любовницей удрал за границу.

В кассе Голдфингера засияла дыра в сотню тысяч франков, которую он больше года пытался заткнуть, да так и не заткнул.

- Как видите, Лоньон, настоящий бедолага... Бедолага, который себя не убивал... Доказательство тому - глушитель. Бедолага, которого подло убили... Которого подстрелил какой-то мерзавец. Вы ведь с этим согласны? А жена его получит миллион... Не стану давать вам советов, потому что вы знаете все не хуже меня... Предположим, что мадам Голдфингер вошла в сговор с убийцей. Ведь кто-то должен был передать ему оружие, хранившееся в ящике тумбочки... После убийства им наверняка хотелось переговорить, хотя бы для того, чтобы успокоить друг друга... Но из дому она не выходила.

И никто ей не звонил... Понимаете? Я уверен, что вы, Лоньон, меня понимаете. Двое инспекторов на улице. Постоянный контроль со станции прослушивания... Поздравляю вас, вы догадались! А страховка?.. И тот факт, что прошел всего месяц с момента, когда страховая сумма могла быть выплачена?! Так что действуйте, старина! Я занимаюсь еще одним делом, которое требует моего присутствия, так что, кроме вас, нет никого, кто смог бы лучше довести эту историю до конца...

Вот так он и уломал Лоньона.

Тот, правда, все еще вздыхал:

- Я буду по-прежнему посылать вам те же отчеты, что и своему вышестоящему начальству...

И Мегрэ в своем кабинете чувствовал себя чем-то вроде пленника, почти такого же, как Коммодор. Информацию по делу об убийстве на улице Ламарк, единственному, которое его занимало, оставался только телефон.

Время от времени ему звонил Лоньон, демонстрируя красоты бюрократического стиля:

- Имею честь доложить...

Оказывается, между сестрами разыгралась сцена, отголоски которой были слышны на лестнице. К вечеру Ева решила отправиться ночевать в отель "Альсен", что на углу площади Константен-Пекар.

- Можно подумать, что они просто ненавидят друг Друга!

- Черт побери! - Не спуская глаз со своего совершенно одуревшего Коммодора, Мегрэ говорил:

- Поскольку одна из сестер действительно любила Голдфингера, то выходит, что это была младшая сестра... Можете не сомневаться, Лоньон, она-то все поняла... Теперь остается узнать, каким образом убийца связывался с мадам Голдфингер. Телефон исключается, станция прослушивания в этом уверена... За пределами дома она с ним тоже не встречалась...

Ему звонила мадам Мегрэ:

- Когда ты придешь? Ты забыл, что уже сутки не спал в нормальной постели?..

Он отвечал:

- Скоро буду...

И принимался в двадцатый, в тридцатый раз задавать Коммодору одни и те же вопросы, пока тот не изнемог и не сдался.

- Уводите его, ребята, - обратился он к Люка и Жанвье. - Нет, погодите-ка... Зайдите сначала в кабинет инспекторов...

Их собралось человек семь или восемь плюс сам Мегрэ, от усталости едва державшийся на ногах.

- Слушайте-ка, детки... Помните, как умер Стан в пригороде Сент-Антуан?.. Ну так вот... Что-то я никак не могу вспомнить... У меня это имя прямо на языке вертится... Надо чуть-чуть поднатужиться, и оно всплывет...

Все задумались и заволновались, потому что в такие минуты, после долгих часов нервного напряжения, Мегрэ всегда их немножко подавлял. И только Жанвье, словно прилежный ученик, поднял вверх палец <Во французских школах принято поднимать не руку, а палец>.

- Был такой Марьяни... - сказал он.

- Он работал у нас, когда мы вели дело Стана-Убийцы?

- Это было последнее дело, в котором он участвовал...

И Мегрэ вышел, хлопнув дверью. Он нашел. Десять месяцев тому назад ему навязали инспектора-стажера, которому покровительствовал один министр. Стажер оказался настоящим фатом - комиссар называл таких "котами", - и, продержав его у себя несколько недель, Мегрэ выгнал его вон.

Остальное досталось доделывать Лоньону. И Лоньон все сделал. Без блеска, но терпеливо и со свойственной ему аккуратностью.

На десять или двенадцать дней дом Голдфингера превратился в объект его пристального наблюдения. За это время ничего обнаружить не удалось, кроме того, что и Ева, оказывается, следила за сестрой.

На тринадцатый день в дверь квартиры, где должна была находиться вдова торговца бриллиантами, постучали и убедились, что квартира пуста.

Мадам Голдфингер из дому не выходила, а нашли ее в квартире, расположенной этажом выше и снятой на имя некоего господина Марьяни.

Того самого господина, которого выгнали из полицейского управления и который жил с тех пор неизвестно на что.

Господина с большими аппетитами и даже не лишеного привлекательности, во всяком случае, в глазах такой дамы, как мадам Голдфингер, уставшей от вечно больного мужа.

Им и не нужно было звонить друг другу или встречаться вне дома.

А завершением романа могла стать миллионная страховка, если, конечно, несчастный торговец бриллиантами покончит с собой хотя бы через год после оформления полиса...

Выстрел был сделан из собственного револьвера покойного, который доставила его супруга, но только с глушителем...

Потом был второй выстрел, произведенный из другого оружия перед столбиком срочного вызова полиции; выстрел, которому полагалось стать очевидной причиной самоубийства и не дать полиции приняться за поиски убийцы.

- Вы проявили себя настоящим асом, Лоньон.

- Но, господин комиссар...

- Кто из нас, вы или я, застукал их в холостяцкой берлоге на пятом этаже?.. И кто, кроме вас, расслышал, как они перестукивались через потолок?..

- Я укажу в своем рапорте...

- Чихать мне на ваш рапорт, Лоньон... Вы выиграли эту партию... Хоть и играли против чертовски хитрого противника... Если позволите, я хотел бы пригласить вас сегодня поужинать в "Маньере"...

- Видите ли...

- Что еще такое?

- Видите ли, моя жена снова неважно себя чувствует и мне надо бы...

Ну что ты будешь делать с такими вот типами, которые бросают вас и бегут домой мыть посуду, а то и, чего доброго, натирать паркет?

А ведь из-за него, из-за инспектора Недотепы и его болезненной обидчивости Мегрэ лишил себя удовольствия провести одно из тех расследований, к которому буквально рвалось его сердце.

<http://book.zehinli.info>

5 мая 1946